

Предложение Хань Чжуняня строилось исключительно на его собственных, весьма далёких от реальности представлениях о воителях цзянху.

Он явно переоценивал личные способности мастеров боевых искусств, считая их чуть ли не всемогущими, но при этом совершенно недооценивал их численность и то, насколько глубоко они пустили корни в Поднебесной. А ведь там, где есть люди, всегда есть и цзянху. И численность этих вольных людей воистину колоссальна! О каком «искоренении» могла идти речь? Как можно вырезать под корень тех, кого невозможно даже сосчитать?

Поэтому, когда стражников увели, Чжао Цзи поспешил успокоить встревоженного министра:

— Господин Хань, присядьте. Дело это спешки не терпит, здесь нужен холодный расчёт.

Хань Чжунянь и не подумал сесть. Напротив, ничуть не щадя собственные колени, он снова с глухим стуком повалился ниц:

— Ваше Величество! Произошедшее — неслыханная дерзость! Стоит слухам об этом расползтись в народе, и что останется от авторитета двора? Умоляю, подумайте трижды!

Для людей древности репутация и честь ценились дороже самой жизни. И хотя Хань Чжунянь не смел прямо принуждать Чжао Цзи к немедленному действию, в его словах отчётливо сквозило скрытое подстрекательство: «Они уже тебе на шею сели! Если ты их сейчас не прижмёшь, как людям в глаза смотреть будешь?»

Престиж правителя, разумеется, вещь важная, но ситуация пока не требовала резни не на жизнь, а на смерть. Главная беда заключалась в том, что придворные во главе с Хань Чжунянем судили о мире боевых искусств исключительно по собственным домыслам.

Ещё раньше, когда выяснилось, что Ли Сюньхуань до личной аудиенции понятия не имел, как выглядит Ван Дуань, у Чжао Цзи зародились определённые подозрения. И сегодня они лишь окрепли, подкреплённые новыми доказательствами.

Судя по всему, до какого-то переломного момента мир цзянху и императорский дворец существовали в параллельных реальностях, никак не соприкасаясь. Именно поэтому благородный Ли Сюньхуань, плоть от плоти мира боевых искусств, не знал в лицо царственного брата императора, а сам Чжао Цзи до случайной встречи с ним даже не подозревал, что у Ли Сюньхуаня есть отец — чиновник третьего ранга, возглавляющий министерство.

Это объясняло и то, как сам Чжао Цзи, едва освоив базовые приёмы и внутреннюю силу, умудрялся без труда ускользать от дворцовой стражи, перемахивая через стены. Двор оставался двором, а цзянху — цзянху. И даже если среди императорских телохранителей числились лучшие из лучших, большинство из них понятия не имели, что такое внутренняя энергия нэйли.

Но теперь, под воздействием какой-то неведомой силы, эти два мира стремительно сближались и сталкивались. Возможно, катализатором стал он сам, а возможно — Ли Сюньхуань. Но какова бы ни была причина, слияние цзянху и дворца стало неизбежным.

Хань Чжунянь, не знающий законов цзянху, после первого же столкновения с их методами впал в панику. Он вообразил, будто каждый бродяга с мечом владеет искусством маскировки, подражанием голосу и каллиграфическим подлогом.

Но Чжао Цзи был твёрдо уверен: это чушь.

Искусство маскировки ижун-шу — удел единиц. Да и мастерство бывает разным. Как признались сами стражники, фальшивый «Господин Хэ» совершил немало оплошностей. Не будь у него сообщников, обман раскрылся бы мгновенно.

Вся эта история казалась такой жуткой лишь потому, что за ней отчётливо маячила тень горы Белого Верблюда.

А каков масштаб этой обители? За ней стоит не кто иной, как Западный Яд Оуян Фэн — один из четырёх величайших мастеров Поднебесной, наряду с Восточным Еретиком, Южным Императором и Северным Нищим.

Даже если сейчас во главе Байто-шань стоит Оуян Ле, школа, способная взрастить великого мастера такого уровня, обладает невероятным наследием. Ей изначально не могли противостоять обычные мелкие кланы.

И всё же ни гора Белого Верблюда, ни её нынешние хозяева не имели сил для того, чтобы напрямую сокрушить императорскую власть.

Будь мастера цзянху столь всесильны и коварны, зачем им городить такие сложные схемы? Прокрались бы во дворец, зарезали бы его тишком, нацепили бы маску с его лицом и правили страной. К чему эти трудности?

Абсолютная сила не нуждается в интригах. Великие мастера боевых искусств из романов часто кажутся простоватыми не потому, что им не хватает ума для заговоров. Просто когда ты достигаешь вершины и познаёшь одиночество абсолютного величия, тебе становится лень тратить время на плетение интриг. Зачем ломать голову, если можно просто решить проблему одним точным ударом меча?

Интриги — оружие тех, кому не хватает мощи. И то, что чиновника так изощённо подставили, лишь доказывало: у их противников нет сил для прямого столкновения с империей.

Конечно, мастеров, способных ворваться в чертоги и лишить жизни самого Чжао Цзи, в мире существовало не так уж много. К тому же почти все они были одержимы боевыми искусствами

и грезили лишь титулом сильнейшего под небесами. Им некогда отвлекаться на императора. А те, кто жаждал власти и мирской славы — вроде какого-нибудь Лун Сяюня или Цзян Бехэ (если этот негодяй вообще существовал в их безумном винегрете миров), — попросту не имели достаточно сил, чтобы преодолеть дворцовые стены.

«Кстати о Цзян Бехэ, — подумал Чжао Цзи, — очень надеюсь, что его здесь нет. А если и есть, то пускай поскорее подохнет. Мне о нём знать незачем».

«Чего я не вижу, того нет!» — в этом плане молодой император отлично освоил принципы субъективного идеализма.

С людьми из цзянху, особенно с бандой Денежного Листа, которая уже свила гнездо в самом Кайфэне, следовало действовать хитростью. Силой тут ничего не решить. Девять десятых населения столицы составляли простые работяги, торговцы и ремесленники. Никто не знал, сколько среди них скрытых приспешников Цянь-бан и сколько семей связаны с ними родством. Начнёшь действовать грубо — и сам сгоришь в этом пожаре.

Чжао Цзи не хотел никого убивать. Ему нужно было лишь одно: встретиться с их главой.

А точнее — заполучить список членов банды.

Люди склонны терять страх, когда прячутся в толпе. Внутреннее чувство безнаказанности и психология толпы развращают человека. Но стоит получить поимённый список каждого участника — и это станет аналогом верификации по реальным именам, как в интернете его прошлого мира.

Когда каждый будет знать, что за любое бесчинство придётся отвечать лично, люди быстро научатся держать себя в руках. К тому же, имея список на руках, Чжао Цзи сможет в одно мгновение прижать банду Денежного Листа к ногтю, используя авторитет императорской власти.

Если подойти к делу с умом, то этот тлеющий костёр, заставляющий двор сидеть как на иголках, можно превратить в острейший клинок, зажатый в руках императора и направленный на внешних врагов.

Чжао Цзи соврал бы, сказав, что эта перспектива его не манит.

Если банда Денежного Листа перейдёт под его контроль, он получит готовую, идеально обученную спецслужбу!

У династии Мин в его прежней истории были грозные парчовые стражи. У него же под рукой имелась лишь служба императорского дворца Хуанчэн-си.

И те мало того что числились по гражданскому ведомству, так ещё и напоминали забитую сиротку: чиновников тронуть боятся, влиятельные кланы расследовать не смеют, в дела Ляо и Западного Ся носа не суют, да даже в самом дворце от них толку чуть. Зато на утренних докладах их представители вечно вопят во всю глотку, жалуясь на нищету и тяготы службы.

А банда Денежного Листа — это готовая, самоокупаемая структура цзянху.

Бесплатная, разветвлённая шпионская сеть сама просилась в руки. Какой правитель устоял бы перед таким искушением?

Разумеется, делиться подобными планами с Хань Чжунянем император не собирался.

Старик Хань принадлежал к фракции вдовствующей императрицы Сян. Сейчас он дрожал от страха, накручивая себя собственными фантазиями. Стоит Чжао Цзи обмолвиться о видах на Цянье-бан, как этот старый лис тут же побежит строчить донос матушке Сян.

А от неё обо всём узнает клан Сян.

Если они перехватят инициативу и приберут банду к рукам до того, как Чжао Цзи сделает свой ход, он вместо послушного инструмента получит выводок шпионов под боком. И окажется в роли дурака, над чьей головой раскинулась сочная зелёная степь под проливным дождём.

Поэтому, скрывая истинные намерения, Чжао Цзи, словно ветреный соблазнитель, отделался красивыми, но пустыми обещаниями:

— Уважаемый Хань, успокойтесь. Я прекрасно понимаю ваши опасения. Однако мне и самому доводилось сталкиваться с миром цзянху, да и Призер Ли — человек оттуда. Быть может, послушаем, что скажет он?

С этими словами Чжао Цзи кивком указал на Ли Сюньхуаня.

Как единственный человек в зале (помимо самого императора), умудрявшийся сидеть на двух стульях сразу — и на государственной службе, и в мире боевых искусств, — Ли Сюньхуань прекрасно понимал природу страхов почтенных министров.

Он заговорил спокойно и уверенно:

— В цзянху действительно существует искусство маскировки ижун-шу. Поговаривают, что маски лучших мастеров невозможно распознать даже при самом близком рассмотрении. Однако на всю Поднебесную едва ли найдётся пять человек, владеющих этой техникой, а истинных гениев среди них и вовсе двое. Лично я не видел лже-чиновника, а потому не могу утверждать, использовалась ли там именно маскировка. Но даже если и так, работа выполнена крайне топорно.

Сделав короткую паузу, он продолжил:

— К тому же, хотя люди цзянху и владеют боевыми искусствами, далеко не все из них всесильны. Уровень внутренней энергии у большинства весьма посредственный. В открытом бою обычный бродяга не выстоит даже против одного гвардейца.

Чжао Цянь, выслушав это, не удержался от пренебрежительной усмешки:

— Подумаешь, вещает тут какой-то мелкий писарь пятого ранга...

Чжао Цзи мягко прервал его:

— Летающий кинжал Малютки Ли занимает почётное третье место в Реестре оружия «Бинципу», составленном самим Байсяошэном.

Чжао Цянь поперхнулся воздухом:

— Да что нам этот ваш... как его там... Байсяошэн...

— Его труды знает наизусть каждый в цзянху, — невозмутимо добавил Чжао Цзи. — А те, кто был не согласен со списком, уже давно отправились на тот свет, попытавшись оспорить свои места. Весомость этого третьего места, полагаю, вы можете оценить сами.

Чжао Цянь мгновенно прикусил язык. Его взгляд, устремлённый на Ли Сюньхуаня, наполнился благоговейным трепетом.

Надо же, этот тихий, незаметный чиновник, на которого он раньше и смотреть-то не стал бы, оказывается, входит в тройку сильнейших людей Поднебесной! В голове Чжао Цяня тут же зароились мысли о том, как бы втереться к этому мастеру в доверие. Вдруг нагрянет беда — глядишь, грозный Призер Ли вспомнит о дружбе и спасёт его шкуру. А если удастся уговорить его стать личным телохранителем, так и вовсе жизнь удалась.

Не только Чжао Цянь — остальные вельможи тоже уставились на Ли Сюньхуаня с нескрываемым восторгом.

Видя, что паника улеглась, Чжао Цзи решил закрыть тему банды Денежного Листа и перейти к более насущному вопросу — горе Белого Верблюда.

Сначала следовало допросить пленных, выяснить, зачем они протянули свои загнувшиеся лапы так далеко, а затем безжалостно эти лапы отрубить. Какую протянули — ту и рубить.

Сам Чжао Цзи, конечно, против Западного Яда Оуян Фэна не выстоял бы. Но это и не требовалось. Зачем лезть в драку самому, если можно призвать тех, кто с радостью сделает это за тебя?

Если объединить силы Северного Нищего Хун Цигуна и Южного Императора Дуаня Чжисина, то они вдвоём раскатают этого ядовитого гада, даже не вспотев.

<http://bllate.org/book/18987/1918899>